

Литература

1. Священный Коран. Перевод смыслов Эльмира Кулиева.
2. Большая юридическая энциклопедия. – М.: Эксмо, 2005.
3. Сюкияйнен Л. Р. Исламское право: взаимодействие юридического и религиозного начал.
4. Ковлер А. И. Антропология права: Учебник для вузов. – М.: Норма, 2002.
5. Сюкияйнен Л. Р. Принципы фикха как юридическое осмысление религиозно-нравственного идеала ислама.
6. Конституционное право зарубежных стран: Учебник / Под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо и Л. М. Энтина. 2-е изд., перераб. – М.: Норма, 2009.
7. Переходная Национальная Хартия Сомали. Электронный ресурс. <http://worldconstitutions.ru>.
8. Конституция Сирийской Арабской Республики. Электронный ресурс. <http://worldconstitutions.ru>.

Tovsultanov Suhrab Alhazurovich, Senior lecturer of legal disciplines, Chechen State Pedagogical University (33, Kievskaya St., Grozny, 364031, Russian Federation) E-mail: Tovsultanov-sa@mail.ru

PROBLEMS IN THE UNDERSTANDING OF ISLAMIC LAW

Abstract

This article discusses the problem of determining Islamic law, the separation of the concepts of Islamic law, Islamic law, and Shariah and muslim doctrine on the right (fiqh), the relationship between Shariah, muslim doctrine on the right (fiqh), and Islamic law.

Keywords: *Sharia, fiqh (Muslim doctrine on the right), Islamic law, Islamic law, episteme, positivist science, originate.*

УДК 342.41; 342.731; 348.71

ТИПОЛОГИЯ И ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Иванова Ольга Святославовна кандидат юридических наук, и. о. заведующего кафедрой теории государства и права и основ правоведения, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (Россия, г. Сыктывкар, ул. К. Маркса, 152)
E-mail: dichter12@mail.ru.

Чалых Ирина Сергеевна кандидат юридических наук, и. о. заведующего кафедрой государственно-правовых дисциплин, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (Россия, г. Сыктывкар, ул. К. Маркса, 152)
E-mail: dichter12@mail.ru.

Аннотация

В статье представлены результаты комплексного исследования проблем интерпретации, типологизации и правового регулирования государственно-конфессиональных отношений в современной России. С позиций теории права и конституционного права рассмотрены актуальные подходы к определению и типологизации данного вида отношений в государстве и обществе, проведено их соотношение со сложившейся организационно-правовой моделью светского государства в Российской Федерации, предложены формы и направления ее оптимизации; в аспекте правового регулирования государственно-конфессиональных отношений в современной России определены его общая и конкретные (актуальные) тенденции, выявлены законодательные проблемы и определены направления их решения.

Ключевые слова: *государственно-конфессиональные отношения, понятие, типология, модель, Российская Федерация, правовое регулирование, тенденции, проблемы.*

Современные тенденции развития российского государства и положенная в их основу конституционно-правовая парадигма требуют системного осмысления результатов отражения последней в практике государственного строительства. В данном контексте видится обоснованным комплексное исследование основополагающих характеристик государства, закрепленных в первой главе Конституции Российской Федерации [1], к которым относится, в частности, определение России как светского государства (ст. 14), конкретизируемое в иных конституционных установлениях. При этом специфика указанной основы конституционного строя векторно ориентирует на необходимость последовательного теоретико-правового и конституционно-отраслевого анализа их содержания и правового регулирования.

Так, можно констатировать, что в научной литературе отсутствует устоявшаяся терминология относительно государственно-конфессиональных отношений. Авторы по-разному именуют отношения, складывающиеся между государством и религиозными объединениями: государственно-церковные (церковно-государственные), государственно-вероисповедальные, государственно-конфессиональные отношения, государственно-религиозное взаимодействие, отношения в сфере реализации свободы вероисповедания и др.

Однако некоторые авторы считают приведенные понятия неточными ввиду неопределенности и многозначности таких категорий, как церковь и конфессия. Так, М.О. Шахов предлагает определять отношения государства и религиозных объединений как совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимосвязей и взаимоотношений институтов государства, с одной стороны, и религиозных объединений, а также учреждений и предприятий религиозных организаций, – с другой [2. С. 16 – 20]. Но недостатком такого подхода является исключение из числа субъектов определяемых отношений (непризнание самостоятельным, отдельным от религиозных объединений субъектом отношений) самих верующих, так как, к примеру, право на свободу вероисповедания может осуществлять не только в коллективных формах. Кроме того, в качестве субъекта исследуемых отношений, не совпадающего с религиозным объединением, многие авторы справедливо рассматривают и всю совокупность верующих – религиозную общность [3. С. 141].

С указанных позиций представляется более уместным и логичным использовать термин «государственно-конфессиональные отношения» как устоявшийся и наиболее нейтральный в смысловом аспекте, понимая под таковыми всю совокупность отношений между государственными органами и учреждениями, их должностными лицами, с одной стороны, и религиозными объединениями, верующими и религиозными общностями, – с другой. Между тем, многоаспектность государственно-конфессиональных отношений, специфика исторического опыта их развития, различия в мировоззренческих установках и устоявшаяся система ценностей общества обуславливают разнообразные подходы к организации государственно-конфессиональных отношений и, соответственно, определению моделей их регулирования.

В зависимости от характера государственно-конфессиональных отношений принято проводить типологизацию государств. Традиционная трехчленная типология (светское, клерикальное, теократическое) не может отразить все многообразие этих отношений, поэтому в юридической литературе она подверглась коренному пересмотру. Современные исследователи предлагают использовать для типологии комплекс критериев и факторов.

Так, в качестве основного критерия для определения типа государства М.О. Шахов [2. С. 16 – 20] предлагает рассматривать степень отделения религиозных объединений от государства, которая находит свое выражение в ряде признаков, а именно: отсутствие/наличие государственной или обязательной для всех граждан религии или идеологии; светский/религиозный характер государственной и муниципальной системы образования; неучастие/участие религиозных объединений в деятельности органов государственной власти и управления; отсутствие/наличие у религи-

озных объединений властных полномочий; отсутствие/наличие государственного финансирования деятельности религиозных объединений; признание/непризнание религиозных норм источниками права; степень вмешательства государства в религиозную жизнь.

Учитывая реальное многообразие государственно-конфессиональных отношений, их изменчивость, ученый предлагает выделять два подтипа конфессиональных государств (теократические) и три разновидности государства светского типа (сегрегационный, сепарационный, кооперационный).

Определенный исследовательский интерес представляет типология И.В. Понкина [4. С. 210], который в качестве указанных выше критериев использует: степень влияния государства на религию и поведение верующих; степень сотрудничества государства с религиозными объединениями; степень взаимного проникновения идеологии государства и религиозных идеологий; взаимоотношения государственной правовой системы и религиозных правовых систем (каноническое, шариатское и пр. право), степень влияния норм религиозного права на правовую систему государства; степень и масштабы соединения государственных и религиозных институтов. В данной связи автор выделяет светские и несветские государств, подразделяя вторые на два подтипа: теократическое и идеократическое, а первые – на четыре подтипа: преференциальное; эквипотенциальное; контаминационное; идентификационное.

При этом указанные и иные авторы указывают на условность предлагаемых типологий, отсутствие точного и постоянного набора признаков светского государства, обуславливая это тем, что любая классификация – это лишь набор гипотетических объектов или моделей, каждая из которых может только приближенно отражать свойства реального объекта, а также – изменчивостью государственно-конфессиональных отношений, их зависимостью от национальной специфики, наличием промежуточных моделей [2. С. 22 – 23; 4. С. 176; 5. С. 58]. Между тем, следует согласиться с рядом исследователей данной тематики в том, что современное состояние государственно-конфессиональных отношений в наибольшей степени отражает именно типология, предложенная И.В. Понкиным [4. С. 210]. В то же время мы считаем обоснованным дополнение перечня критериев типологии государства таким признаком, как степень обеспечения свободы совести и вероисповедания, поскольку он является показательным в определении светского характера государства, в частности, в контексте исторического развития российского государства. Уточним, что этот признак, фактически (в той или иной степени), использовали оба исследователя, но в число критериев – не включили.

В современном государстве значительная часть государственно-конфессиональных отношений подвергается правовому регулированию и имеет форму правоотношений. При этом характер правового регулирования этих отношений определяется сложившимся типом (моделью) государственно-конфессиональных отношений. Так, О.Н. Петюкова [5. С. 58 – 60] выделяет следующие типы правового регулирования государственно-конфессиональных отношений: моноконфессиональный, дифференцированный и универсальный. Моноконфессиональный предполагает совмещение правового статуса религиозных объединений и государственных структур; дифференцированный характеризуется различным правовым статусом религиозных объединений в зависимости от их роли в истории и значения в жизни общества, при этом могут выделяться религиозные объединения с консесуальным статусом (основан на конкордате (соглашении) между руководящим органом конфессии и конкретным государством) и статусом официально признанного (традиционного) религиозного объединения; универсальный декларирует полное отстранение государства от сферы религиозных отношений, при этом религиозные объединения вне зависимости от их характеристик обладают одинаковым правовым статусом, не получают государственной поддержки в связи с исповедуемым религиозным течением.

Учитывая изложенное, можно согласиться с авторами, отмечающими необходимость объективной оценки взаимоотношений государственных и религиозных институтов, верующих, реализации права на свободу совести и вероисповедания, которая должна базироваться на многофакторном анализе, а не на учете только отдельных избранных критериев. Опыт правового регулирования государственно-конфессиональных отношений многих стран, в том числе, России говорит о чрезвычайной важности определения наиболее оптимальной для общества модели государственно-конфессиональных отношений, которая бы учитывала его особенности, опыт исторического и культурного развития, соответствовала действительным потребностям. Очевидно, что в современных условиях наиболее приемлемой, в том числе, и для Российской Федерации, является модель светского государства. Как свидетельствуют неоднократно проведенные по этому поводу опросы, именно эта идея близка и большинству россиян. При этом, как представляется, оптимальная модель светского государства в России не должна предусматривать жесткого разделения государственных и религиозных институтов, однозначного выравнивания правового статуса религиозных объединений и т.п., т. е. должна оставаться достаточно гибкой, вариативной, что позволит учесть специфику и потребности государства и общества, в наибольшей степени обеспечить права и свободы человека и гражданина.

С учетом изложенных выше позиций можно сделать вывод, что сложившаяся конструкция светского государства в современной России критериально соотносима с идентификационным типом [4. С. 244 – 252], который характеризуется: расширенным сотрудничеством государства с несколькими религиозными объединениями на основе партнерства государства и граждан в гарантиях, защите и реализации их прав на национально-культурную и религиозную идентичность и (или) свободы совести и вероисповедания в целом, партнерства государства и религиозных объединений, представляющих традиционные религии; доминированием учета государством современной национально-культурной и религиозной идентичности граждан среди причин и оснований реализации государством расширенного сотрудничества с выделенными религиозными объединениями; осуществлением в государственных и муниципальных образовательных учреждениях основанной на учете национально-культурной и религиозной идентичности граждан оптимизации между светским характером и культуросообразностью образования. В свою очередь правовое регулирование в данной сфере преимущественно ориентировано на дифференцированную модель правового регулирования государственно-конфессиональных отношений, адекватную заявленному типу светского государства. Признавая определенную условность типов (моделей) организации и регулирования данного вида отношений, тем не менее, следует подчеркнуть, что указанное их сочетание, выступая научно обоснованным ориентиром, позволит обеспечить системность, последовательность и единство процесса юридической и фактической реализации соответствующей основы конституционного строя. При этом возможность логичного дополнения такой теоретической конструкции соотносимыми критериями и признаками, адекватно отраженными в регулятивных нормах права, будет гарантировать гибкость и устойчивость реальной системы государственно-конфессиональных отношений в России, позволит законодателю и правоприменителю оперативно реагировать на коллизионные или кризисные ситуации с минимальными правовыми рисками. В частности, формой закрепления указанного подхода может выступить государственно-конфессиональная доктрина Российской Федерации.

Между тем, как отмечалось выше, государственно-конфессиональные отношения в современной России в определенной части выступают предметом правового регулирования, что актуализирует необходимость анализа тенденций их развития и в данном аспекте.

Следует отметить, что указанные тенденции в настоящее время в целом ориентированы на расширение форм реализации права на свободу совести и вероисповедания, выравнивание правового статуса религиозных объединений отдельного вида, минимизацию вмешательства государ-

ства в дела религиозных объединений. В то же время, фактическая реализация заявленных целей осуществляется несколько противоречиво.

Так, особого внимания заслуживают изменения в федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» [6; 10] (далее – Закон), внесенные федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 261-ФЗ [7; 10], связанные с отменой условия о 15-летнем, подтверждаемом органом местного самоуправления, сроке существования религиозной группы, при выполнении которого ее члены могли учредить местную религиозную организацию, обладающую гораздо большими правовыми возможностями по сравнению с религиозной группой. Не менее важным явилось устранение указанным законом неочевидного, на первый взгляд, неравенства между так называемыми традиционными религиозными организациями (которые смогли подтвердить свое существование в течение (и более) 15 лет) и иными религиозными организациями, что следовало из нормы ст. 27 заключительных положений Закона. Согласно прежней редакции указанной нормы, религиозные организации до получения подтверждения о 15-летнем сроке своего существования пользовались правами юридического лица только при условии ежегодной перерегистрации; кроме того, они не могли пользоваться рядом прав религиозных организаций, предусмотренных ст. ст. 5, 13, 17-20 Закона, – права учреждать образовательные организации, обучать детей религии в государственных и муниципальных образовательных учреждениях вне рамок образовательной программы, иметь представительство иностранной религиозной организации, проводить религиозные обряды и церемонии в лечебно-профилактических, больничных и т.п. учреждениях, образовывать организации, издающие богослужебную литературу и производящие предметы культового назначения, и др.

При этом, устранив одно противоречие, законодатель этим же законом создал другое, ограничив в той же норме права местных религиозных организаций, не входящих в структуру централизованной организации того же вероисповедания. Согласно действующей редакции Закона, такие образования в течение 10 лет с момента регистрации не могут реализовывать ряд прав религиозных организаций, предусмотренных ст.ст. 13, 16, 18, 20 Закона, в том числе, не могут учреждать централизованную религиозную организацию, средство массовой информации, приглашать иностранных граждан в целях занятия профессиональной, в том числе, проповеднической, религиозной деятельностью, проводить религиозные обряды и церемонии в соответствующих учреждениях и др.

Представляется, что кроме юридического ограничения прав местных религиозных организаций, данные законодательные положения могут фактически способствовать оказанию давления на таковые и ограничению профильной деятельности со стороны централизованных организаций того же вероисповедания с целью включения первых в собственную (как правило, централизованную) структуру. При определенных обстоятельствах это может провоцировать нарушение конституционного права – членов местной религиозной организации – на свободу вероисповедания в части исповедования той или иной религии в рамках созданного ими объединения, а не централизованной организации, с внутренними установлениями которой они могут быть не согласны.

По нашему мнению, в сложившейся правовой ситуации прослеживается аналогия с периодической и сопоставимой по периодам централизацией государственной власти, выраженной в организационном и компетенционном аспектах, сопряженной с уровневый подходом. Однако конституционная характеристика светского государства по своей правовой природе и в соотношении со сложившейся в Российской Федерации моделью организации государственно-конфессиональных отношений не может и не должна подвергаться правовому регулированию по аналогии с организацией государственной власти. В противном случае характеристика светского государства фак-

тически исключается из конституционного строя России, что прямо противоречит положениям главы первой Конституции, а также иным профильным конституционным установлениям.

Безусловно, положительно следует оценить конкретизацию п. 1 ст. 3 Закона в части формы осуществления права граждан на свободу вероисповедания путем закрепления права совершать богослужения, другие обряды и церемонии, осуществлять обучение религии и религиозное воспитание [7; 10]; последнее, в частности, не признается образовательной деятельностью, соответственно, не влечет ряда юридических ограничений и дополнительных, в том числе, контрольных и разрешительных процедур, связанных с образовательной деятельностью. В целом данное законодательное дополнение создает дополнительные юридические гарантии базового конституционного права личности.

Отдельно стоит упомянуть об «иностранном» компоненте государственно-конфессиональных отношений в современной России. Несмотря на некоторое «смягчение» ситуации с обеспечением права на свободу вероисповедания иностранных граждан и лиц без гражданства, на законных основаниях проживающих на территории Российской Федерации, которым предоставлена возможность быть членами религиозной группы, религиозной организации [7; 10], они по-прежнему лишены возможности учреждать религиозные объединения.

Следует отметить и законодательные изменения в регламентации процесса осуществления государственного контроля и надзора за деятельностью религиозных организаций. Так, федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 261-ФЗ [7; 10] отменена обязанность религиозной организации ежегодно информировать регистрирующий орган о продолжении своей деятельности. Также указанным актом были несколько упорядочены отношения в сфере контроля и надзора за деятельностью религиозных организаций, более четко законодательно определены полномочия контролирующего органа. Помимо отмеченного, на данную сферу правоотношений распространены гарантии, установленные федеральным законом от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [8; 10], закреплены дополнительные гарантии представителей религиозных организаций в процессе проведения контрольно-надзорных мероприятий.

В то же время, несмотря на формальную минимизацию государственного контроля, контент-анализ прежней и действующей редакции Закона говорит о фактическом расширении полномочий контролирующего органа. В частности, предыдущая редакция ст. 25 Закона предусматривала, что данный орган осуществляет контроль только за соблюдением устава религиозной организации относительно целей и порядка ее деятельности, новая редакция устанавливает контроль не только за соблюдением религиозными организациями целей и порядка деятельности, предусмотренных их уставами, но и в целом законодательства Российской Федерации о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях. Этот вид контроля осуществляет федеральный орган государственной регистрации или его территориальный орган (ч. 2 ст. 25 Закона). При этом сохраняется еще одна контрольно-надзорная форма – надзор за исполнением законодательства Российской Федерации о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях, который осуществляет другой государственный орган – прокуратура Российской Федерации (ч. 1 ст. 25 Закона). На практике эти органы смогли разграничить свои контрольные полномочия, но законодательного противоречия это не ликвидирует – сохраняются условия для злоупотреблений со стороны контрольных органов и необоснованного усиления государственного контроля.

Еще одной тенденцией развития государственно-конфессиональных отношений в современной России, на которой следует акцентировать внимание, признается возникновение и развитие религиозного экстремизма [9. С. 87], а, соответственно, и законодательства по борьбе с ним. В

ряде случаев отдельные законодательные положения могут использоваться для противоправных ограничений деятельности религиозных организаций со стороны государственных органов, например, при признании некоторых материалов религиозной организации экстремистскими. Однако, как представляется, это может быть результатом как намеренного злоупотребления со стороны субъектов религиозной деятельности, так и заблуждения должностных лиц и привлеченных экспертов, их неспособностью дать объективную оценку содержания документов. Во многом данная проблема связана с неконкретной законодательной формулировкой понятия экстремизма и форм его проявления, а также с отсутствием необходимых правовых знаний у представителей религиозных объединений, что может провоцировать правовые конфликты, а также фактические нарушения законодательства в данной сфере.

Резюмируя, можно отметить общую тенденцию к постепенному расширению светских начал российского государства, повышению правовых гарантий в сфере реализации права на свободу совести и вероисповедания, сопряженную с активным привлечением государством к решению социальных задач религиозных объединений, имеющих наибольшую социальную базу, – как правило, представляющих традиционные религиозные течения. В то же время, в сфере государственно-конфессиональных отношений сохраняется ряд неразрешенных противоречий, как правотворческого, так и правоприменительного характера, не позволяющих констатировать наличие в современной России устойчивой модели светского государства и требующих последовательного и научно обоснованного решения.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Шахов М. О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. – М.: Изд-во Сретенского ставропигиального мужского монастыря, 2013.
3. Зин Н. В. Развитие отечественного законодательства в сфере регулирования государственно-конфессиональных отношений // Вест. Владимир. юрид. ин-та, № 2(35), 2015.
4. Понкин И. В. Правовые основы светскости государства и образования. – М.: Про-Пресс, 2003.
5. Петюкова О. Н. Модели государственно-конфессиональных отношений: зарубежный опыт правового регулирования // Вест. Финансового ун-та, № 3, 2010.
6. Федеральный закон Российской Федерации от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» (ред. от 30.03.2016 № 76-ФЗ) // СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465; www.pravo.gov.ru.
7. Федеральный закон Российской Федерации от 13 июля 2015 г. № 261-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СЗ РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4387.
8. Федеральным законом от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (ред. от 09.03.2016 № 68-ФЗ) // СЗ РФ. 2008. № 52 (часть I). Ст. 6249; www.pravo.gov.ru.
9. Исаева А.А. Свобода религии: международные тенденции и российские перспективы // Вест. Томского гос. ун-та. Право, № 4(10), 2013.
10. <http://www.consultant.ru>.

*Ivanova Olga Svyatoslavovna, Candidate of Juridical Science, Department of Theory of State and Law and Legal Methods, State Educational Institution of Higher Education, Syktyvkar State University named after P. Sorokin (152, Karl Marx Street, Apt 52, Syktyvkar)
E-mail: dichter12@mail.ru.*

Chalykh Irina Sergeevna, Candidate of Juridical Science, Department of state law disciplines, State Educational Institution of Higher Education, Syktyvkar State University named after P. Sorokin (152, Karl Marx Street, Apt 52, Syktyvkar) E-mail: dichter12@mail.ru.

TYPOLOGIES AND TRENDS LEGAL REGULATION STATE-CONFESSIONAL RELATIONS IN MODERN RUSSIA

Abstract

The article presents the results of a comprehensive study of problems of interpretation, typology and legal regulation of state-confessional relations in modern Russia. From positions of the theory of law and constitutional law considered relevant approaches to the definition and typology of this type of relationship in the state and society, carried out their relationship with the current organizational and legal model of a secular state in the Russian Federation, proposed forms and directions of its optimization; in the aspect of legal regulation of state-confessional relations in modern Russia determined its general and specific (current) trends identified legal issues and identify areas of their solutions.

Keywords: *state-confessional relations, concept, typology, the model, the Russian Federation, legal regulation, trends and problems.*

УДК 340.114.5

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ КАЗАКОВ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Литвиненко Александр Иванович адъюнкт адъюнктуры (докторантуры), Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации), подполковник полиции (344015, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83) E-mail: lt314@yandex.ru.

Аннотация

Статья посвящена изучению влияния правовой культуры казачества на развитие современной правовой системы России. В ней раскрываются перспективы развития «казачьего движения» как явления производного и интегративного с Российским государством. В результате автор приходит к выводу, что за предыдущие четверть века изменения произошли не только в правовой системе Российской Федерации, но и самом казачестве, которое из множества политических организаций практически сформировалось в социальную группу «служивых людей», что отчасти находит отражение в российском законодательстве. Эта специфика базируется не только на особом менталитете современности, но и на правовой культуре, сформировавшейся в досоветский период.

Ключевые слова: *правовая культура казаков, правовой менталитет российского казачества, современная правовая система Российской Федерации, государственная и муниципальная служба, казачья служба.*

Важным элементом правовой реальности, отражающим сущность, социальную природу и предназначение права, выступают закономерности формирования и функционирования национальных правовых систем. Общее количество международных, национальных и региональных правовых систем подсчитать невозможно из-за многообразия критериев их классификации. Здесь же возникает проблема непризнанных государств, которые фактически имеют национальную правовую систему, но не входят в ООН, однако если считать количество «юридических таксо-